HOKKAIDO UNIVERSITY

Title	Мусульмане в СССР в 1920-1930-е годы : стратегии выживания
Author(s)	Ренат, Ирикович Беккин
Citation	Acta Slavica Iaponica, 47(1), 81-85
Issue Date	2026
Doc URL	https://hdl.handle.net/2115/100350
Type	departmental bulletin paper
File Information	05_Acta47-1_Беккин.pdf

Hokkaido University Collection of Scholarly and Academic Papers : HUSCAP

Acta Slavica Iaponica, Tomus 47, Issue 1, pp. 81–85

Cluster Session 2

Мусульмане в СССР в 1920–1930-е годы: стратегии выживания

Введение

Ренат Ирикович Беккин

За последние десятилетия был достигнут значительный прогресс в изучении религиозной политики советского государства. Введение в оборот материалов рассекреченных архивно-следственных дел 1920–1940-х гг. из государственных и ведомственных хранилищ позволило существенно расширить источниковую базу и поставить новые вопросы о механизмах реализации вероисповедной политики в Советском Союзе. Это, в свою очередь, способствовало смещению исследовательского фокуса от нормативных установок власти к практикам их осуществления на местах. Одновременно усилился интерес к изучению повседневности религиозной жизни и к реконструкции индивидуальных и коллективных моделей поведения верующих.

Однако «исламский фактор», особенно, в довоенный период, долгое время оставался на периферии научного внимания или рассматривался фрагментарно — в рамках более общих исследований советской антирелигиозной политики. Особенно заметен дефицит работ, в которых мусульманские сообщества и отдельные их представители выступали бы не только как объект репрессий, но и как субъект исторического действия. В более широком плане это отражает общую проблему недостаточной интеграции истории ислама в СССР в общую историю советской религиозной политики.

Предлагаемый вниманию читателя специальный выпуск журнала «Acta Slavica Iaponica» посвящен анализу положения мусульманских сообществ в Советском Союзе в 1920–1930-е гг. На рубеж этих двух десятилетий приходится существенное усиление антирелигиозной политики советского государства, направленной не только на ограничение религиозных практик, но и на системное вытеснение религии из общественной жизни. Массовое изъятие из пользования верующих культовых зданий сопровождается репрессиями в отношении духовенства и религиозных активистов («религиозников»). Происходило разрушение самой социальной структуры мусульманских общин.

Однако, несмотря на масштаб и жесткость проводимых кампаний, мусульмане СССР в 1920–1930-е гг. не выступают в представленных в этом выпуске исследованиях исключительно как жертвы государственного

террора. Напротив, они рассматриваются как активные участники исторического процесса, вырабатывающие различные стратегии выживания в условиях институционального разрушения, социального давления и угрозы физического уничтожения: от открытого сопротивления до скрытой адаптации, от институциональной трансформации до индивидуальных стратегий ухода. Таким образом, акцент переносится с одностороннего анализа репрессий на изучение взаимодействия власти и общества как динамического процесса, что позволяет рассматривать мусульманские сообщества как важный элемент социальной истории позднего НЭПа и раннего сталинизма.

Исследования, представленные в данном выпуске, объединены общей задачей: показать, каким образом мусульмане — прежде всего представители духовенства и интеллектуальной элиты — реагировали на вызовы советской модернизации, антирелигиозной политики и репрессивного аппарата государства. При этом акцент сделан не только на репрессиях как таковых, но и на повседневных практиках, индивидуальных и коллективных стратегиях, позволявших сохранять религиозную идентичность, социальные связи и культурную память. Такой подход соотносится с более широкими тенденциями в социальной и культурной истории, ориентированными на изучение «практик выживания» в условиях насилия и принуждения, и одновременно способствует включению советского материала в сравнительные исследования религии в условиях тоталитарных режимов.

Во многих статьях в данном выпуске используется биографический подход, позволяющий рассмотреть крупные исторические процессы через призму индивидуальных судеб. Биографии мусульманских деятелей — будь то имамы, богословы или представители национальной элиты — демонстрируют, насколько неоднозначными и противоречивыми были их жизненные траектории. Через реконструкцию конкретных судеб становится очевидно, что границы между «жертвой» и «участником» системы часто были размыты: некоторые фигуранты изученных авторами этого выпуска архивно-следственных дел оказывались вовлеченными в сложные сети обвинений, где личные связи, профессиональные контакты и даже случайные знакомства интерпретировались как признаки «контрреволюционной деятельности». В этом контексте биография выступает не только как форма повествования, но и как инструмент анализа, позволяющий выявить механизмы функционирования репрессивной системы и стратегии индивидуального поведения, а также проследить процессы конструирования «вины» и «лояльности» в советском дискурсе. Биографический подход приобретает значение ключевого методологического инструмента для изучения религии в условиях репрессий.

Ярким примером такого подхода является открывающая выпуск статья российского исламоведа **Рената Беккина «“Беглый казанский**

купчишка", назначенный супершпионом (неизвестные страницы биографии Абдурахмана Шафиева)». Фигура Абдурахмана Шафиева (более известного как Шафи Алмас) оказывается в центре целого ряда политических дел. Автор показывает, каким образом связь с одним человеком могла служить основанием для обвинения множества представителей татарской национальной элиты. Особую ценность представляет реконструкция транснациональных связей героя, которые в логике следствия интерпретируются как доказательство шпионской деятельности. Биография превращается в инструмент репрессивной политики и конструируется следствием как часть обвинительного нарратива.

В результате, мы можем проследить, как репрессивная система функционировала не только через институциональные механизмы, но и через персонализацию обвинений, создание «узловых фигур», связывающих между собой разрозненные дела. Статья Беккина демонстрирует, как индивидуальная судьба может быть встроена в более широкую систему репрессий. Данное исследование содействует пониманию символической и нарративной составляющей репрессивной политики.

Попытка проанализировать логику и механизмы репрессивной политики в отдельно взятом регионе предпринята историком из Татарстана **Ильнуром Миннуллином в статье «Репрессированный ислам: массовые операции ОГПУ в Татарской АССР в 1930–1931 гг. на селе и в городе (на примере архивно-следственных дел мухтасибов Салимьярова и Иманкулова)»**. Автор, продолжая тему репрессий против служителей исламского культа и религиозных активистов, смещает фокус анализа с микроистории на уровень институциональных практик. Это исследование помогает понять, каким образом формировалась сама среда, в которой становились необходимыми стратегии выживания. На основе ряда архивно-следственных дел автор анализирует механизмы массовых операций ОГПУ в Татарстане в 1930–1931 гг. и показывает, что репрессии против мусульманского духовенства носили не спонтанный, а глубоко системный характер. Особое значение имеет попытка реконструировать «технологию» следствия: от выявления религиозных активистов к их объединению в искусственно сконструированные «контрреволюционные организации» и дальнейшему расширению круга обвиняемых.

Подобно работе Беккина, статья Миннуллина позволяет увидеть, как индивидуальные судьбы вписываются в институционально заданные сценарии репрессий: формально обвинения строились вокруг антиколхозной или антисоветской деятельности, однако фактически ключевым фактором становилась религиозная активность подследственного. Таким образом, уничтожение духовенства и религиозного актива выступало одной из центральных целей политики. Это наблюдение имеет принципиальное значение для интерпретации советской антирелигиозной кампании как специфической формы социального инжиниринга.

Если в первых двух работах в центре внимания находится логика репрессивной системы, то статья **Адильбека Бекболата и Юлии Шаповал «Стратегия выживания мусульманских религиозных деятелей в 1920–1930-е годы в Казахстане: на примере судьбы имама Момакана Алиева»** позволяет взглянуть на ситуацию со стороны самих мусульман. Особенность этой работы заключается в использовании автобиографического нарратива, что дает возможность реконструировать не только внешние обстоятельства, но и внутреннюю логику принятия решений. Исследование вводит в научный оборот редкий тип источников, позволяющий услышать «голос» самих участников событий.

На примере биографии имама Момакана Алиева авторы анализируют стратегию «ухода» от религиозной деятельности как одну из форм выживания. «Уход» предполагал отказ от религиозной деятельности, интеграцию в советское общество и временное «забвение» религиозной идентичности. Важно, что данная стратегия рассматривается не как пассивная капитуляция, а как осознанный выбор, направленный на минимизацию рисков в условиях репрессивной среды. Такая стратегия позволяла избежать репрессий, но часто сопровождалась глубокими личными трагедиями и внутренними конфликтами. Возвращение к религиозной деятельности становилось возможным зачастую лишь спустя десятилетия, что подчеркивает драматизм и неоднозначность индивидуального опыта и разрыв в передаче религиозной традиции между поколениями. Статья А. Бекболата и Ю. Шаповал существенно расширяет наше понимание адаптационных механизмов религиозных сообществ в СССР.

Продолжением этой линии анализа становится статья немецкого и нидерландского исламоведа **Михаэля Кемпера «From Progress to Extinction: Rida'addin Fakhraddin's "Famous Women" in the Soviet Context»**, в которой исследуется интеллектуальная реакция мусульманского сообщества на советскую действительность. Обращаясь к переработке труда татарского богослова Ризаэтдина Фахретдина «Знаменитые женщины» («Мәшһүр хатыннар»), автор показывает, как меняется содержание и тональность текста в зависимости от исторического контекста. Если дореволюционная версия книги была проникнута реформаторским оптимизмом и ориентирована на развитие образования, то версия 1934 г. становится формой критического осмысления советской реальности.

Тем самым интеллектуальная деятельность предстает как еще одна стратегия выживания — более скрытая, но не менее значимая. Она позволяет сохранить и переосмыслить культурное наследие, адаптируя его к новым условиям и одновременно фиксируя разрыв между дореволюционным и советским периодами. Включение этой перспективы позволяет рассматривать ислам не только как социальный институт, но и

как динамическую систему идей и смыслов, что существенно расширяет исследовательскую оптику изучения религии в СССР.

Рассматриваемые в совокупности, представленные исследования позволяют предложить более комплексное понимание положения мусульман в СССР в 1920–1930-е гг. Во-первых, становится очевидным, что репрессии против служителей культа и религиозного актива общин носили системный и целенаправленный характер, будучи частью более широкой политики по разрушению религиозных институтов и социальной структуры мусульманских сообществ. Во-вторых, выявляется разнообразие стратегий выживания, которые не сводятся к простому противопоставлению сопротивления и адаптации, а включают в себя широкий спектр практик — от ухода и маскировки до интеллектуального переосмысления традиции. В-третьих, подчеркивается важность микроисторического и биографического подходов, позволяющих увидеть за общими процессами конкретные человеческие судьбы и тем самым избежать чрезмерной абстракции. В-четвертых, демонстрируется необходимость интеграции социальной, политической и интеллектуальной истории для адекватного описания рассматриваемых процессов. В-пятых, данный выпуск показывает, что опыт мусульманских сообществ может служить аналитической моделью для изучения положения религии в СССР в целом.

Статьи, включенные в специальный выпуск, охватывают различные регионы Советского Союза: Поволжье, Урал, Москву, Казахстан. Региональная перспектива позволяет увидеть, что советская политика по отношению к исламу и мусульманам не была монолитной, а представляла собой совокупность различных практик, адаптированных к местным условиям.

Таким образом, данный специальный выпуск предлагает не только новые эмпирические материалы, но и важные теоретические ориентиры для дальнейших исследований. Он демонстрирует, что изучение ислама в довоенный период в СССР требует междисциплинарного подхода, объединяющего методы истории, антропологии, религиоведения и политической науки. Хочется верить, что представленные в этом выпуске журнала работы станут основой для дальнейших исследований, направленных на более глубокое понимание сложного и противоречивого опыта мусульманских сообществ в условиях советской модернизации.